

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «КубГУ»)

Кафедра прикладной лингвистики и новых информационных технологий

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК
Заведующий кафедрой
доктор филол. наук, профессор
_____ И. П. Хутыз
(подпись)
_____ 2018г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭВФЕМИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

Работу выполнила _____ Е. В. Жукова
(подпись, дата) (инициалы, фамилия)

Факультет романо-германской филологии

Направление 45.03.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика

Научный руководитель,
канд. филол. наук, доцент _____ Т. П. Тарасенко
(подпись, дата) (инициалы, фамилия)

Нормоконтролер,
канд. филол. наук, ст. преподаватель _____ Е. Г. Авдышева
(подпись, дата) (инициалы, фамилия)

Краснодар 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Теоретические основы исследования.....	6
1.1 Проблема понимания военно-политического медиадискурса в лингвистике.....	6
1.2 Бинарность семантики термина «прагматика» в лингвистике.....	10
1.3 Прагматические цели, прагматические установки в языкознании.....	13
1.4 Содержание понятий эвфемизм, эвфемизация.....	17
1.5 Прагмалингвистическая сущность военно-политических эвфемизмов.....	21
2 Прагматический аспект эвфемизмов в современном военно-политическом медиадискурсе.....	25
2.1 Реализация коммуникативно-прагматического потенциала военно-политических эвфемизмов при освещении военной операции Российской Федерации в Сирии и событий в Украине.....	25
2.2 Корпус наиболее употребительных военно-политических эвфемизмов.....	33
2.3 Деноминация названий военной операции Российской Федерации в Сирии и событий в Украине	46
Заключение.....	55
Список использованных источников.....	57
Приложение А Структура употребления эвфемизмов в процентах.....	61

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено рассмотрению эвфемизмов в военно-политической сфере при освещении СМИ событий, связанных с военной операцией РФ в Сирии и событиями в Украине, их коммуникативно-прагматическому потенциалу.

Актуальность работы обусловлена следующими факторами: эвфемизмы получили широкое распространение в речевой деятельности; в современных условиях, когда воздействие на массовую аудиторию через язык политики и СМИ является целенаправленным и должно осуществляться в соответствии с требованиями правовой и культурной корректности, использование эвфемизмов военно-политического содержания приобретает особую значимость. В разное время проблема привлекала внимание таких ученых, как В. П. Москвин, В. И. Карасик, Д. К. Зеленин, Б. А. Ларин, Л. П. Крысин, Д. Н. Шмелев, М. О. Баскаков, А. М. Кацев, Н. М. Бердова, М. Л. Ковшова, Р. О. Будагов, А. А. Реформатский, Н. Б. Мечковская и других. Несмотря на безусловный интерес к эвфемии, в научной литературе отсутствует единое понимание этого явления, а многие аспекты эвфемии остаются дискуссионными. До сих пор не установлены критерии выделения рассматриваемых эвфемизмов в особую группу, не определены тематические группы военно-политической эвфемизации.

Объект исследования – русскоязычные военно-политические эвфемизмы в современном языке СМИ. Предмет исследования – прагматический потенциал эвфемизмов, используемых в статьях российских газет и новостных сайтов, посвященных военной операции в Сирии.

Цель выпускной квалификационной работы – рассмотреть присутствие эвфемизмов в военно-политической сфере речевой деятельности, выявить их коммуникативно-прагматический потенциал. Поставленная цель достигается решением следующих задач:

- раскрыть понятие эвфемизма и эвфемизации;

- рассмотреть явление эвфемии в современном медиадискурсе;
- выявить прагматические функции и установки эвфемизмов;
- сформировать эмпирическую базу на основе материалов русскоязычных газет и новостных сайтов за период военной операции РФ в Сирии и событий в Украине;
- классифицировать эвфемизмы из эмпирической базы;
- составить количественный анализ использованных эвфемизмов;
- провести анализ реализации коммуникативно-прагматического потенциала военно-политических эвфемизмов при освещении военной операции РФ в Сирии и событий в Украине.

Теоретической базой исследования являются работы по теории эвфемии и дискурса Л. П. Крысина, О. В. Обвинцевой, Н. И. Андреева, А. В. Олянича, М. Н. Лату, Е. И. Шейгал, Д. Д. Энрайта, по лингвистике и стилистике И. Р. Гальперина, Ю. Н. Марчука, И. П. Сусова, С. Е. Кунцевич, по теории коммуникации Н. Д. Арутюновой, Т. А. Ван Дейка, по теории журналистики И. А. Василенко, Г. А. Ключарева и других учёных, словари Д. Э. Розенталя, В. Н. Ярцевой.

Материалом для практического исследования послужили статьи русскоязычных зарубежных газет: «Русский базар» (РБ, Америка), «Русская Германия» (Рус. Г), а также российских газет: «Российская газета» (РГ), «Коммерсантъ» (К) и «Аргументы и Факты» (АиФ) на темы «Военная операция РФ в Сирии» и «События в Украине», начиная с 1 сентября 2017 г. до 30 апреля 2018 г. Эмпирическая база исследования составила 224 единицы эвфемической лексики и примеров её употребления.

В ходе исследования были использованы метод сплошной выборки, метод комплексного описания военно-политических эвфемизмов с элементами компонентного, этимологического и семного анализа, метод сравнения, метод классификации и элементы статистического метода.

Теоретическая значимость работы состоит в углубленном представлении эвфемизмов и проблемах их реализации, во вкладе в развитие таких

лингвистических наук как лексикология, функциональная и практическая стилистика, прагматика. Вклад в изучение специфики языка СМИ, определение роли и места военно-политических эвфемизмов, которые представляют собой одно из мощнейших средств манипуляции в военно-политическом дискурсе.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов исследования в методике преподавания родного и иностранного языков, лексикографии, терминоведении, информационных технологиях, риторике.

Цель и задачи исследования определили его структуру. Работа состоит из введения, двух разделов, заключения, списка использованных источников, приложения. Общий объем выпускной квалификационной работы составил 61 страницу.

1 Теоретические основы исследования

1.1 Проблема понимания военно-политического медиадискурса в лингвистике

В XXI веке человечеству наряду с новыми тактиками ведения боевых действий, усовершенствованных видов смертоносного оружия, пришлось столкнуться с не менее устрашающим оружием – информационным, позволяющим целенаправленно активизировать определенные процессы в информационной системе, которые составляют непосредственный интерес для субъекта, применяющего это оружие.

В связи с тем, что информационная война является стратегически спланированной компанией, сторонами, участвующими в данной психологической операции, используются определенные лексические единицы и грамматические конструкции.

Еще военным теоретиком генералом Карлом фон Клаузевицем было отмечено, что война представляет собой продолжение политики иными средствами. На самом деле, нельзя не отметить тесную взаимосвязь военного дела и политики, являющуюся сложной проблемой, которую характеризует воздействие политики на войну и, наоборот, влияние войны на политику (Ксенофонов В. В. Взаимосвязь политики и войны: эволюция взглядов. М., 2000). Соответственно, необходимо исследовать не только военный и политический дискурс по отдельности, но и военно-политический дискурс – дискурс, который относится как к политической, так и к военной сфере.

Н. И. Андреев рассматривает военно-политический дискурс в виде военно-политического языка и речи на военно-политическую тематику, которые погружены в коммуникативный процесс; экспликатур адресантов реальных или виртуальных актов коммуникации – военно-политических документов и материалов, а также статей, речей, интервью военных и политических деятелей

(Андреев Н. И. Дискурс политических партий Германии в синхронии и диахронии. М., 2012).

Другое определение военно-политическому дискурсу дает А. В. Олянич: «Это разновидность массового информационного дискурса, когда военные предстают перед прессой с отчетом о военных действиях и вынужденно увязывают свои ответы на вопросы представителей средств массовой информации с политическими интересами власти, распорядившейся применять военную силу по отношению к субъекту государственности (другой стороне)». Автором также указывается, что подобный вид дискурса представляет собой комбинацию терминологически насыщенной милитаристской речи и речи политической, политизированной, эвфемизированной, целью которой является политическое оправдание, развязывания военного конфликта или начала военной операции (Олянич А. В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе. 2003-2004).

Таким образом, можно сделать вывод, что под военно-политическим дискурсом рассматривается разновидность мультимедийного дискурса, включающих публичные выступления, материалы, опубликованные в журналах, газетах, интернет-источниках на военно-политическую тематику, которые используют военную и политическую терминологию, а также эвфемистические замены с целью оправдания политических и военных действий и оказания влияния на широкую публику.

В связи с тем, что наиболее распространенным и доступным источником получения информации о каких-либо событиях, в том числе и о военно-политических, являются массмедиа, С. Е. Кунцевич указывает на то, что, наряду с проблемами войны и мира, центральными темами современного военно-политического дискурса являются такие проблемы, как:

- разнообразные аспекты переговорных процессов;
- новые приемы принудительной и народной дипломатии;
- выработки кардинальных способов совместной борьбы государств с международным терроризмом;

- поиск эффективных путей предотвращения и урегулирования военных, этнических и геополитических конфликтов;
- исследование реальных возможностей обеспечения национальной безопасности отдельных стран;
- совершенствование существующих систем коллективной безопасности военно-политических союзов государства;
- создание глобальной системы кооперативной безопасности (Кунцевич С. Е. Функционально-стилевая дифференциация и лингвистическое моделирование военно-политических текстов : [сайт]. URL: <http://www.rastko.rs/cms/files/books/49d30b98714f8>).

В отношении подбора лексических средств М. Н. Лату по результатам анализа высказываний российских и американских политических лидеров сделал вывод о следующих особенностях функционирования военных терминов в политическом дискурсе:

- использование понятий, смежных для политики и военного дела (специализированная лексика, единицы которой вербализируют понятия в политической сфере и в военном деле);
- временная соотнесенность понятий (используются термины, которые ограничены временными рамками). К данным терминологическим единицам относятся лексемы, которые вербализуют боевые единицы, стоящие на вооружении конкретной страны, тематические способы и приемы ведения боевых действий с их применением. Например, использование химического или биологического оружия указывает на конкретный временной промежуток его использования;
- пространственная соотнесенность (ограничивает использование военных терминов временными рамками, подразумевает использование военных терминов в политическом дискурсе при определенной ситуации). Например, М. Н. Лату указывает на возможную угрозу применения ракет «земля-воздух», а также на количество данных ракет, что обуславливает использование данного термина в конкретной текущей ситуации;

- использование общих понятий (терминов, которые вербализуют общие понятия, что позволяет формулировать стратегию взаимодействия, определяемую на уровне политики, в то время как непосредственные вопросы тактики относятся к деятельности специалистов). Например, конкретный вид войск или боевой техники не существенен для неспециалиста, но специалисту, наоборот, он сообщает необходимую информацию;

- несистемное восприятие (термин для специалиста всегда представляет часть слаженной системы научного знания, раскрывая содержание понятия во взаимосвязи с другими смежными понятиями, соответственно, содержанием понятия вокруг термина создается предполагаемый или ожидаемый контекст; военные термины в политическом дискурсе, наоборот, не предполагают системного восприятия, их назначение в реализации речевой стратегии «убеждение»). В качестве примера, автор приводит слова В. В. Путина «Как вы знаете, Россия уже поставила в Венесуэлу самые эффективные в мире мощные боевые авиационные комплексы, тяжелые истребители Су-30 и другую военную технику по ценам ниже мировых». Автор поясняет, что данные понятия оторваны от контекста и не должны раскрывать полностью свое содержание;

- использование профессионализмов, синонимов, описательных способов (в политическом дискурсе использование синонимов общеупотребительной или специализированной лексики, описательных оборотов вместо терминологической единицы обогащает речь, позволяет избежать явного повтора и употребление непонятных слушателю узкоспециализированных терминов, без ущерба для логики и смысла общения) (Лату М. Н. Военная терминология в современном политическом дискурсе. Пятигорск, 2011).

Таким образом, при использовании военной терминологии в военно-политическом дискурсе выполняется функция «убеждения», «запугивания», а также «демонстрации превосходства».

А. В. Олянич указывает на то, что основу военно-политического дискурса составляет военно-политический эвфемизм (например, военные действия =

кампания, операция, конфликт). Автор отмечает, что простые ясные понятия, некогда употреблявшиеся в военном лексиконе, такие, как «рассечь», «окружить», были заменены более абстрактными словосочетаниями – пресечение любого вооруженного насилия, прекращение войны на возможной более ранней стадии и восстановление справедливого мира (Олянич А. В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе. С. 121).

Следовательно, война в военно-политическом дискурсе является психолого-идеологической борьбой. Одержат победу в подобной борьбе можно следующими способами:

- демонстрацией собственного могущества и силы врагу, при этом устрашение как презентационный инструмент подкрепляется театральностью;
- созданием позитивного имиджа, где презентация оказывает психолого-идеологическое воздействие;
- драматургичностью, позволяющей камуфлировать истинные намерения и, следовательно, прибегая к коммуникативным стратегиям, маскировать милитаристские цели (Олянич А. В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе. С. 122).

Как политические и военные деятели, так и представители средств массовой информации, стараясь либо придать положительную коннотацию, либо важность и значимость освещаемым событиям, прибегают к средствам манипуляции общественным сознанием, что влечет за собой искажение представления о происходящем.

1.2 Бинарность семантики термина «прагматика» в лингвистике

Военно-политический дискурс относится к так называемым прагматическим дискурсам в связи с тем, что в нем актуализируются определенные коммуникативные стратегии, или, по Т. А. ван Дейку «контекстуальные макростратегии» (Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000). Для

отражения специфики дискурса, в том числе военно-политического, необходимо установление взаимосвязи лингвистики с коммуникативной прагматикой и теориями дискурса, а также охарактеризовать в целом специфический характер дискурса и доказать перспективность его дальнейшего применения.

Взаимосвязь лингвистики с коммуникативной прагматикой и теориями дискурса очевидна. Прагматика прошла в своем становлении и развитии нелегкий путь, основываясь на достижениях многих областей знания (философия, логика, языкознание, семиотика, риторика, психология, социология, теория коммуникации и т.д.).

В современной лингвистике термин «прагматика» толкуется по-разному. Одни ученые считают, что прагматика изучает речевые акты и обстоятельства, при которых они совершаются. Прагматика раскрывает типологию речевых актов и их продуктов, возможные случаи употребления суждений в заданных речевых контекстах. Другие лингвисты добавляют речевую деятельность. Здесь устанавливается иерархия между видами речевых актов, а определенный вид коммуникации противопоставляет главные и второстепенные речевые акты. Третьи исследуют принципы «оригинального» использования языка, исходя из стандартного. Прагматика этой идеи определяет цели и результаты использования языка в деятельности человека.

И. П. Сусовым прагматика рассматривается в виде лингвистической дисциплины, предмет которой представляет собой совокупность корреляций единиц языковой системы и составляющих коммуникативно-прагматического контекста речевого (и текстового) общения. Прагматика имеет дело с коммуникативными намерениями, ожиданиями, эффектами, стратегиями и тактиками, принципами и конвенциями, распределениями между коммуникантами ролей различного характера (Сусов И. П. Семиотика и лингвистическая прагматика. Тверь, 1990).

В. Н. Комиссаровым также отмечается, что при восприятии информации из текста возникают определенные личностные отношения рецептора к тексту,

называемые им прагматическими отношениями. Ученый указывает, что данным отношениям может быть присущ интеллектуальный характер, когда текст используется рецепторами в основном для получения сведений о тех или иных фактах и событиях, лично его не касающихся и которые не представляют для него большой интерес. С другой стороны, информацией могут быть затронуты чувства рецептора, вызывая определенную эмоциональную реакцию. Подобное воздействие называется В. Н. Комиссаровым прагматическим аспектом или прагматическим потенциалом (Комиссаров В. Н. Теория перевода. М. : Высшая школа, 2004).

Однако какими бы ни были варианты трактовки термина «прагматика», основным считается определение Чарльза Морриса, который и ввел этот термин в научный обиход. Чарльз Моррис разделил семиотику на семантику – наука, которая изучает смысловое значение единиц языка, и прагматику – раздел лингвистики, изучающий взаимосвязь между знаковыми системами и теми, кто ими пользуется. В своей работе «Основания теории знаков» Чарльз Моррис писал, что «поскольку интерпретаторами большинства знаков являются живые организмы, достаточной характеристикой прагматики было бы указание на то, что она имеет дело с биотическими аспектами семиозиса, иначе говоря, со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков» (Моррис Ч. У. Основания теории знаков. М. : Радуга, 1983).

Становление прагматики в качестве области лингвистических исследований, поддерживаемое идеями Ч. Пирса, началось в 60-х – 70-х гг. под влиянием теории речевых актов Дж. Остина, теорий референции Леонарда Линского, Джона Серла, теорий значений П. Грайса. Прагматика не имеет четких границ, она включает в себя комплекс вопросов, которые связаны с адресантом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации.

Термин «прагматика» приобретает новые оттенки в своем определении. Коммуникативная установка являлась связующим звеном между самим высказыванием и участниками коммуникации – субъектом речи и адресатом,

совокупностью их знаний и взглядов, ситуацией, местом и временем, в котором осуществляется речевой акт.

Сегодня под прагматикой понимается когнитивное, культурное и социальное исследование языка и коммуникации. Прагматика – междисциплинарная область, которая использует методы и теории различных наук.

Долгое время родственная связь с незнакомой диалектическому и историческому материализму философией не позволяла советским ученым принять новый термин «прагматика». Они пытались использовать всевозможные «маскировочные» названия. Но, несмотря на это, Чарльз Моррис придерживался принципов бихевиористской философской системы. Он считал, что термин должен получить свою собственную интерпретацию как специфически семиотический, а не философский, так как он именуется специальной дисциплиной, которая изучает отношения знаков к их интерпретаторам. Кроме этого, термин «прагматика» широко распространился в литературе на разных языках, термин стал интернациональным.

Таким образом, бинарность термина «прагматика» в лингвистике заключается в том, что прагматика – это наука об употреблении языка, наука о языке в контексте, или наука о контекстуальности языка как явления, а также это раздел семиотики, который изучает отношения между знаковыми системами и интерпретаторами, которые их используют.

1.3 Прагматические цели, прагматические установки в языкознании

К основным понятиям прагматики относятся субъект (отправитель), адресат (получатель), предмет коммуникации и коммуникативная установка.

В качестве объекта прагматики рассматриваются отношения языковых единиц и условий их употребления в рамках определенного коммуникативно-прагматического пространства, в котором осуществляется взаимодействие говорящего, пишущего и слушающего, читающего, а также для характеристики

которого важными являются конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания.

Соответственно, основной задачей прагматики является установление закономерностей использования языковых средств в коммуникации с целью оказания целенаправленного воздействия на адресата. Субъект, таким образом, представляет собой связующее звено прагматической реализации высказывания, а адресат в значительной степени обуславливает его толкование.

Вступление адресата, как и субъекта, в коммуникацию характеризуется не с позиции глобальной личности, а согласно своему аспекту, амплуа или функции, который соответствует аспекту говорящего. Ролью адресата определяется не только социально-этикетная сторона речи, она вынуждает говорящего заботиться о ее организации (Арутюнова Н. Д. Фактор адресата. М. : Наука, 1981).

Субъект, основываясь на отборе языковых средств, совместно с задачами номинации преследует и определенные цели – представление предмета коммуникации в нужном для него свете. Совокупностью данных целей образуется коммуникативно-прагматическая установка субъекта речи, который может иметь и обобщенный, коллективный характер.

Под прагматической установкой мы рассматриваем целенаправленный отбор субъектом в речи языковых средств с целью оказать определенное воздействие на адресата. Реализация прагматической установки происходит в речи, основой служит характер отношений между адресатом и субъектом. Возможно совпадение субъекта и адресата, близость или расхождение в личностном, профессиональном или социально-идеологическом планах. Различаться может и отношение к предмету сообщения. Субъектом речи в ходе реализации коммуникативной установки при помощи языковых средств учитываются различные факторы, к которым относятся объем и характер сведений адресата о предмете коммуникации, обусловленность отношения к предмету его знаниями и убеждениями, различными ценностными критериями,

отношение к самому субъекту и др. (Марчук Ю. Н. Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ. М. : Наука, 1998).

Основные вопросы, которые изучает прагматика, можно рассматривать с разных позиций. В связи с субъектом речи прагматикой изучаются следующие вопросы:

а) речевая тактика и типы речевого поведения. Под речевыми тактиками подразумеваются речевые приемы, которые позволяют достичь заданных целей в определенной ситуации. Выделяют следующие типы речевого поведения: обращение, знакомство, приветствие, извинение, согласие и т.д.;

б) правила разговора, которые подчинены принципу сотрудничества. Этот принцип рекомендует строить речевую коммуникацию в соответствии с целью и направлением разговора;

в) коммуникативная установка говорящего. При высказывании говорящий применяет экспрессивную, апеллятивную и репрезентативную функции;

г) референция говорящего, ситуация при которой говорящей указывает на предмет, употребляя при этом соответствующее языковое выражение;

д) прагматические пресуппозиции – оценивание говорящим адресата, его общие знания, интересы, взгляды, психологическое состояние;

е) отношение говорящего к собственному высказыванию:

1) оценивание сути и содержания высказывания;

2) введение в фокус интереса одного из тех лиц, о которых говорящий ведет речь;

3) организация высказывания в соответствии с тем, чему в сообщении уделяется наибольшее значение.

В связи с адресатом речи изучаются:

- интерпретация речи, в т. ч. правила вывода косвенных и скрытых смыслов из прямого значения высказывания; в этих правилах учитывается контекст, прагматическая ситуация и пресуппозиции, а также цели, с которыми говорящий может сознательно отступать от принятых максим общения

(например, нарушать принцип релевантности, сообщать очевидные адресату вещи и т. п.);

- воздействие высказывания на адресата (перлокутивный эффект, по Остину): расширение информированности адресата; изменения в эмоциональном состоянии, взглядах и оценках адресата; влияние на совершаемые им действия; эстетический эффект и т.п.;

- типы речевого реагирования на полученный стимул (прямые и косвенные реакции, например, способы уклонения от прямого ответа на вопрос).

В связи с отношениями между участниками коммуникации изучаются:

- формы речевого общения (информативный диалог, дружеская беседа, спор, ссора и т. п.);

- социально-этикетная сторона речи (формы обращения, стиль общения);

- соотношение между участниками коммуникации в речевых актах (просьба или приказ).

В связи с ситуацией общения изучаются:

- интерпретация дейктических знаков («здесь», «сейчас», «этот» и т. п.), а также индексальных компонентов в значении слов (указание на пространственную ориентацию в глаголах типа «приходить», «подходить» и т.п.);

- влияние речевой ситуации на тему и форму коммуникации (типичные темы и формы разговоров в гостях, на банкетах, в больницах, в приёмных врачей и адвокатов).

Таким образом, основной целью прагматики является использование языковых средств в речи для оказания целенаправленного воздействия на адресата. А прагматическая установка является инструментом, с помощью которого оказывается определенное воздействие на реципиента.

1.4 Содержание понятий эвфемизм, эвфемизация

В XVI веке британская аристократия развивала свой собственный тщательно продуманный язык, основной характеристикой которого был парафраз и гиперболизация или, другими словами, используя данный язык, говорящий был чрезмерно многословным и не называл вещи своими именами. «Эвфуизм (в переводе с греческого «благовоспитанный, благородный») – изысканно-витиеватый слог английской литературы конца IV в., состоявший сплошь из риторических фигур и образных выражений; его организующим принципом был синтаксический, лексический и фонетический параллелизм.

К началу 1656 г. английский лексикограф Томас Блаунт использовал термин «эвфемизм», определяя его как «хорошую или выгодную интерпретацию плохого слова» (Enright D. J. Fair of Speech: The Uses of Euphemism. Oxford : Oxford University Press, 1985). Хотя термины «эвфуизм» и «эвфемизм» не обозначают одно и то же, очевидно, что оба термина описывают манеру разговора, в которой избегается упоминание неприятных вещей.

Эвфемия представляет собой весьма значимое в лексической системе языка лингвистическое явление. Существует немало работ, посвященных эвфемизмам непосредственно или каким-то образом затрагивающих эту проблему. Начало исследованию эвфемии положили такие видные ученые, как Г. Пауль, Л. Блумфилд, С. Видлак, И. Р. Гальперин, Б. А. Ларин, Х. Нироп. Развитию этой проблематики посвятили свои работы такие ученые, как А. М. Кацев, Б. Купер, Дж. Ниман и К. Сильвер, лексикографы Р. В. Холдер и Х. Росон, отечественные исследователи Л. П. Крысин, В. И. Заботкина, Е. И. Шейгал, Г. Г. Кужим, В. П. Москвин и другие.

Несмотря на достаточно обширное число работ, обращаясь к явлению эвфемии, в научной литературе отсутствует единое понимание этого явления. Динамичность и многоаспектная природа эвфемизмов являются причиной большого разнообразия их лексико-грамматических форм, эмоциональной нейтральности или стилистической окрашенности,

вариативности их эвфемии стического потенциала. Эти свойства эвфемизмов приводят к тому, что проблема определения эвфемизма представляет определенную трудность для исследователей.

Так, определение эвфемизма встречается у исследователя Д. Н. Шмелева, который характеризует эвфемизм как «воздержание от неподобающих слов, смягченное выражение, служащее в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» (Шмелев Д. Н. Современный русский язык. М. : Просвещение, 1977).

Д. Э. Розенталь дает приблизительно то же толкование эвфемизму, называя его «смягчающим обозначением какого-либо предмета или явления, более мягким выражением вместо грубого» (Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985).

И. Р. Гальперин характеризует эвфемизм как слово или фразу, которые используются для замены неприятного слова или выражения на относительно более приемлемое (Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1958).

Большой Энциклопедический словарь «Языкознание» под редакцией В. Н. Ярцевой определяет эвфемизмы как эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными. Ими заменяются также табуированные названия, архаичные. Под эвфемизмами понимаются также окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого (Ярцева В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998).

Одну из последних трактовок находим у К. Аллана и К. Бэрриджа: «выражение, используемое в качестве альтернативы неприемлемому выражению с целью избежать возможной потери лица: либо говорящего, либо аудитории, либо какой-либо третьей стороны» (Обвинцева О. В. Политический

эвфемизм как средство языкового воздействия в газетном тексте. Екатеринбург, 2003).

На основании проведенного анализа сформулируем определение, отражающее смысл всех дефиниций, взятых из работ вышеперечисленных ученых: эвфемизм – это замена любого недозволенного или нежелательного слова или выражения более корректным, с целью избежать прямого наименования всего, что способно вызвать негативные чувства как у говорящего, так и у собеседника, а также с целью маскировки определенных фактов действительности.

Военные эвфемизмы, являющиеся важной составляющей политических эвфемизмов, вошли в сферу интересов лингвистов со времен войны во Вьетнаме. Данный термин используется для обозначения группы эвфемизмов, «употребляемых в текстах политической коммуникации, адресатом которых является массовая аудитория, с целью смягчить негативные ассоциации, связанные с некоторыми фактами, часто за счет искажения смысла самого описываемого факта» (Сахаров А. Н. История России: с начала XIX в. до начала XXI века. М. : Астрель, 2003).

В целях общественной и психологической безопасности населения власти намеренно замалчивают отдельные факты, а подчас заведомо искажают истину событий. На протяжении многих лет разрабатывались методы построения сложных военных эвфемизмов (не просто подмена слов и понятий, а языковые конструкции с точно измеренными эффектами воздействия на массовое сознание). Вследствие этого стало возможным говорить о такой технологии манипуляции сознания, как изменение смысла слов и понятий. Из прессы все чаще исключается лексика с отрицательной коннотацией, а вместо нее вводится нейтральная. Таким образом, создается виртуальная дискурсивная реальность, в контексте которой война воспринимается аудиторией иным образом.

Эвфемизм выполняет три функции, которые Л. П. Крысин выделил в своей работе «Эвфемизмы в современной русской речи»:

- смягчение грубого и неприятного для говорящего

- маскировка действительности, камуфляж;
- сокрытие действительности (Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи. М., 1996).

Однако многие ученые утверждают, что в последнее время образуется новая функция эвфемизации речи – приукрашивание некоторых моментов действительности. К тому же наблюдается значительное увеличение числа названий, применяемых к широкому кругу вещей, о которых неудобно говорить прямо.

На наш взгляд, главная цель, которая преследуется говорящим при использовании эвфемизмов, – смягчение, то есть стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у слушающего коммуникативного неудобства.

Говоря о газетно-публицистическом стиле, нужно отметить, что все-таки основная роль эвфемистической лексики в данных текстах заключается не столько в смягчении, сколько в маскировке действительности и манипулировании массовой аудиторией

Более специфической является другая цель эвфемизации – вуалирование, камуфляж. К камуфлирующим словам и выражениям прибегают в тех случаях, когда прямое обозначение объекта действия, свойства, по мнению говорящего, может вызвать нежелательный общественный эффект, негативную реакцию массового адресата или осуждение.

Таким образом, можно сделать вывод, что общей целью для использования эвфемизмов является поддержание коммуникативного комфорта.

1.5 Прагмалингвистическая сущность военно-политических эвфемизмов

Употребление эвфемизмов в политической речи в гораздо большей степени, чем в других сферах коммуникации, зависит от контекста обращения. Поэтому при описании прагмалингвистической сущности эвфемизмов, функционирующих в современном военно-политическом дискурсе, необходимо учитывать условия употребления эвфемизма, в частности в политической ситуации и мотивы автора, использовавшего эвфемизм в речи.

Как пишет В. И. Заботкина, «эвфемизм возникает по ряду прагматических причин (вежливость, деликатность, щепетильность, благопристойность, стремление завуалировать негативную сущность отдельных явлений действительности)» (Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М. : Высшая школа, 1989).

Тенденция к эвфемизации в военно-политическом дискурсе объясняется тем, что одним из основных отличительных признаков военно-политического дискурса является его смысловая неопределенность. Анализируя семиотическое пространство современного политического дискурса, Е. И. Шейгал отмечает, что смысловая неопределенность языка политики обусловлена рядом семантических и прагматических факторов (Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2004).

К семантическим факторам некоторые ученые, в частности В. Дикман и В. Бергсдорф, относят:

- абстрактность и широту значения. Слова широкой семантики типа процесс, явление, миссия и другие вследствие своей референциальной неопределенности допускают широкий «разброс» в интерпретациях;

- сложность значения, обусловленную сложностью самого денотата. Многие единицы политического языка обозначают комплексы идей, отдаленных от непосредственного человека (например, дефолт, импичмент);

- относительность обозначения. Выбор номинации в военно-политическом дискурсе зависит от политической позиции говорящего и т.п.

(Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einfuehrung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Heidelberg : C.Winter, 1969).

Говоря о прагматических факторах неопределенности политического языка, Е. И. Шейгал рассматривает причины, заставляющие политиков стремиться к сохранению неопределенности понятийного содержания знаков.

В качестве первой причины выступает ведущая роль воздействующей функции языка политики. Смысловая неопределенность выступает также как важнейший инструмент манипулирования и лежит в основе стратегии вуалирования, затушевывания нежелательной информации, что позволяет приглушить, сделать менее очевидными неприятные факты, стратегии мистификации, сокрытия истины и стратегии анонимности, деперсонализации как приема снятия ответственности (Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. С. 51).

Необходимо отметить и то, что язык описания военно-политических событий – это не то же самое, что язык самих политических событий. Язык о политике – это взгляд на представления говорящего о реальности, в то время как интерпретация аудиторией того же самого языка – это взгляд на то, что может быть совсем иной реальностью для них (Вольфсон И. В. Язык политики. Политика языка. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003).

В качестве еще одного прагматического фактора неопределенности военно-политического дискурса можно выделить стремление спасти лицо. Политики должны быть все время настороже, чтобы не предоставить противнику возможности воспользоваться их слабостью – каким-либо промахом, допущенным в речи. Этого можно не допустить только при использовании языка, который непрозрачен, неконкретен или пуст (Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge, 1995).

Необходимость избежать конфликта в общении также признается в качестве причины, заставляющей политиков стремиться не к снятию, а к сохранению неопределенности языка. Смысловую неопределенность в данном случае можно считать средством преодоления коммуникативного затруднения,

позволяющего говорящему избежать крайности, занимать уверенные, нейтральные позиции во время обсуждения спорных вопросов и тем самым способствовать сглаживанию противоречий между коммуникантами (Hamilton M. A., Mineo P. J. *A Framework for Understanding*. 1998). Как известно, в политике даже одно непродуманно сказанное или неверно истолкованное слово может привести к серьезному конфликту.

К перечисленным факторам необходимо отнести еще один – стремление избежать контроля за своими действиями (Шейгал Е. И. *Семиотика политического дискурса*. С. 52). Как отмечает Г. А. Ключарев, использование многозначных, неопределенных понятий является эффективным приемом опытных политиков, так как при контекстуальной неопределенности понятий возникают затруднения в осуществлении последующего эффективного контроля за выполнением взятых обязательств (Ключарев Г. А. *Языковая реальность и политический имидж*. М., 1995).

Смысловая неопределенность военно-политического дискурса коррелирует с такими его свойствами, как фидеистичность (значимость момента веры как проявление иррациональности военно-политического дискурса) и фантомность. Связь между перечисленными категориями Е. И. Шейгал сформулировала следующим образом: в аспекте отражения фантомный денотат порождает нечеткий (неопределенный) сигнификат, а в аспекте референции и интерпретации фидеистическое отношение к знаку позволяет конкретизировать его в «нужном» направлении.

Кроме того, следует отметить, что неопределенность выступает в качестве специфического проявления эзотеричности (тайноречия). Политики, как никто другой, умеют уходить от прямого ответа на вопрос, умеют сказать много и при этом не сказать ничего. Специфика тайноречия в военно-политическом дискурсе заключается в самом характере общения. Иными словами, эзотеричность – не семантическая, а прагматическая характеристика военно-политического дискурса, что обуславливает в ее использование таких

стратегий, как эвфемизация, уклончивость, намек и др. (Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. С. 57).

Таким образом, прагмалингвистическая сущность военно-политических эвфемизмов заключается в том, что эвфемистические переименования в современном военно-политическом дискурсе служат одним из реализаторов интересов говорящего, поскольку они помогают скрыть «неприглядное», неприличное, тайное, обладают способностью к проявлению магической функции языка и являются одним из мощнейших средств манипулирования общественным сознанием с целью изменения совокупности представлений адресата о тех или иных событиях и об устройстве действительности в целом. Наблюдаемая тенденция к использованию военных эвфемизмов обусловлена тем, что они скрывают правду и успокаивают воображение народа.

2 Прагматический аспект эвфемизмов в современном военно-политическом медиадискурсе

2.1 Реализация коммуникативно-прагматического потенциала военно-политических эвфемизмов при освещении военной операции Российской Федерации в Сирии и событий в Украине

Язык как средство передачи информации является одним из способов манипулирования сознанием, соответственно, от выбора и частоты употребления лексических средств (в нашем случае – эвфемизмов) напрямую зависит восприятие той или иной информации. В свете последних событий, происходящих на мировой арене, изучение военно-политического дискурса, а также анализ этимологии, функционирования и развития языковых явлений, таких как эвфемия, политическая корректность, становятся наиболее актуальными.

Война оказывает большое воздействие на все страны мира и является одной из злободневных сфер для создания эвфемизмов, которые необходимы правительствам для того, чтобы народы легче мирились с тяготами войн. Называть вещи своими именами в современных словесных войнах возможно лишь с целью устрашения противника.

При этом в информационных войнах современного мира в качестве ключевого инструмента воздействия выступают средства массовой информации. Возрастает значение СМИ и как фактора, который способен определять сознание и поведение людей. Содержание, форма и динамика сообщений, которые передаются средствами массовой информации, оказывают заметное влияние на психологическое состояние аудитории и ее отношение к окружающему миру. В условиях глобализации информационных процессов увеличивается интенсивность влияния СМИ на формирование политических установок, ценностных ориентаций, стереотипов в сознании граждан. Новые возможности по распространению информации приводят к серьезным

проблемам с определением степени ее достоверности, точности, что приводит к многочисленным случаям искажения, фальсификации и намеренного введения недостоверного информационного контента.

Освещение различных событий, особенно политических, в нашей стране зарубежными СМИ, всегда было весьма субъективно и специфически интерпретируемо. Во времена железного занавеса активно выстраивался образ «советского агрессора». Авторы одной из монографий, вышедшей в США в конце 1950-х годов, отмечали, что, несмотря на отсутствие каких-либо доказательств подготовки Советским Союзом «нашествия на Западную Европу», «ни один государственный деятель Запада не мог предполагать у него иных намерений, кроме агрессивных» (Штоль В. В. Роль и место НАТО в системе европейской и международной безопасности в условиях глобализации. М. : Дипломатическая академия МИД РФ, 2005), а в 1983 году президент США Рональд Рейган объявил СССР «империей зла» и до сих пор этот стереотип активно эксплуатируется (Рейган против СССР, Обама против России: план тот же – а результат? : [сайт]. URL: <http://www.ria.ru/cj/20140813/1019820171.html>).

Стоит отметить, что советская пропаганда была одной из самых эффективных в мире. В СССР каждая, даже совсем незначительная информация новостного свойства содержала в себе элемент пропаганды (Белов Н. В. 101 биография русских знаменитостей, которых не было никогда. Минск : Харвест, 2010). В Советском Союзе была создана достаточно разветвленная система внешнеполитической информации и пропаганды, которая была практически полностью демонтирована в 1990-е годы. Сегодня российские эксперты признают это серьезной ошибкой. Одновременно расширилась сеть зарубежных агентств внутри России (Василенко И. А. Формирование имиджевой стратегии России в парадигме «гибкой власти» : [сайт]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m6-2012/14900-formirovanie-imidzhevoy-strategii-rossii-v-paradigme-gibkoy-vlasti.html>).

В результате во время проведения кампаний в Чечне, в период вооруженного конфликта в Южной Осетии, информационному

противодействию государственной властью не уделялось должного внимания. Представители пресс-служб правительства и отечественные СМИ недостаточно освещали происходящие события и в лице мирового сообщества действия России искажались и представлялись как акт агрессии.

Усвоив прошлые просчеты, российские информационные агентства и официальные представители властвующих структур изменили свое отношение к информационной безопасности. Пример тому – украинский кризис, когда, западные СМИ энергично эксплуатировали образ российского агрессора, который, по их мнению, нарушил суверенитет и активно использует вооруженные силы на территории Украины, к которым присоединяются и русскоязычные зарубежные газеты, издающиеся за рубежом: «Военная агрессия России наносит тяжелейший экономический вред Украине и донбасская мясорубка является главным сдерживающим фактором для развития страны» (РБ, 25.10.2017, № 1123 : [сайт]. URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>); «Как и в советские времена, она (Россия) либо устраивает провокации, либо помогает врагам Америки оружием и техникой, либо сама ввязывается в противостояние с Западом» (РБ, 25.10.2017, № 1123 : [сайт]. URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>); «Кремль распоряжается «пушечным мясом» безрассудно и потери в Сирии/Украине никто не считает» (РБ, 17.01.2018, № 1134 : [сайт]. URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>). К этой информационной битве российские СМИ подошли более подготовленно, своевременно реагируя на информационные провокации и освещая происходящие события с собственной точки зрения.

В целом российские СМИ в ситуации с Украиной можно рассматривать, как достоверный источник, которые преподносят информацию о правильности решений властей: «Россия обеспечивает безопасность своей территории, потому что в районе Крыма не прекращаются провокации и диверсии» (РГ, 10.01.2018 : [сайт]. URL: <https://rg.ru>); «Парламентарий считает, что Киев не может «выстраивать диалог»

и не понимает, что «Крым вошел в состав России и назад никогда не вернется» (РГ, 13.01.2018 : [сайт]. URL: <https://rg.ru>). Иногда происходит значительное упрощение сути конфликта и представление событий в черно-белом цвете. Журналистами, как правило, используется прием обращения к патриотическим чувствам читателей: «Напомним, с 2015 года украинские власти переименовывают топографические объекты, которые прежде носили названия в честь советских деятелей» (РГ, 07.01.2018 : [сайт]. URL: <https://rg.ru>).

Если украинские СМИ не вели активную информационную войну до определенного момента, то коренным образом их политика изменилась после воссоединения Крыма с Россией. Активно начали использоваться лингвопропаганда, приемы «приклеивание ярлыков» и «демонизация врага», дезинформация и провоцирование неодобрения: «Украина при поддержке США и Евросоюза продолжает полностью изолироваться от путинской России» (РБ, 27.12.2017, № 1132 : [сайт]. URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>).

Еще одним активным полем информационного противостояния стал конфликт в Сирии, а в особенности в период проведения ВКС России операции по противодействию терроризму.

Многие зарубежные издания положительно отнеслись к инициативе России по противодействию террористической группировке ИГИЛ. Возможно, это случилось из-за неэффективных действий США, и предложение Москвы было воспринято как реальный инструмент деэскалации конфликта. Одновременно с началом операции по бомбардировке ИГИЛ началась кампания по дискредитации действий ВКС России. В зарубежных СМИ стали появляться публикации, в которых Россия обвиняется в том, что операция по бомбардировке террористов Исламского Государства началась для смещения акцента с событий, происходящих в Украине.

Эвфемизация военно-политической лексики представляет собой вербальный способ ведения информационных войн, что обеспечивается в том

числе и языковыми средствами, так как язык всегда остается одним из инструментов политики и политического влияния. Военно-политические эвфемизмы – это не интеллектуальное развлечение, а сознательное создание, употребление и навязывание создаваемых терминов.

«Невозможность решить конфликт на Донбассе» – из приведенного примера видно, что использование слова «конфликт» вместо «война», для описания разворачивающихся военных действий в Украине, смягчает суть происходящего (РБ, 20.12.2017, № 1131 : [сайт]. URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>). Когда произносится слово «конфликт», первая ассоциация, которая возникает – ссора, которая произошла в результате недопонимания. Ассоциация же с «войной» может возникнуть лишь в том случае, когда мы начинаем анализировать происходящие события.

Кажется, что данный термин уже укрепился в лексиконе для обозначения понятия «война». Он не является эвфемизмом, образованным в ходе текущих военных действий, однако также широко используется представителями власти во избежание употребления слова война. Без объявления войны нет необходимости во введении чрезвычайного положения в странах, являющихся участниками данных событий. Очевидно, что «конфликт» можно решить словесно, в то время как «война» означает необходимость в использовании более серьезных мер.

«Ветеранам антитеррористической операции на Донбассе» – термин «антитеррористическая операция» также не является нововведенным термином для данного конфликта (существует также антитеррористическая операция в Дагестане), однако он четко указывает на то, что операция идет по ликвидации так называемых «террористов» (РБ, 17.01.2018, № 1134 : [сайт]. URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>).

«Современная военная стратегия России нацелена на смену режимов при поддержке местных сепаратистских группировок» – «смена режима» считается более политически корректным выражением, чем «лишение власти действующего правительства» (К, 24.09.2017 : [сайт]. URL:

<https://www.kommersant.ru>). Когда происходит смена режима, граждане того или иного государства надеются на лучшую, мирную, благополучную жизнь. Данное выражение не несет в себе отрицательной коннотации, а также не предполагает, что смена режима, как в ситуации с Сирией, может привести к вооруженному конфликту и началу военных действий. Прибегая к подобным заменам, правительство выигрывает расположение своих граждан и находит в их лице поддержку и одобрение.

Многие эвфемизмы отразили проблемы политической борьбы, военной конфронтации, репрессии и агрессии. Они употребляются, прежде всего, с целью рационализации действий говорящего и снижения уровня отрицательной оценки происходящего.

Одной из особенностей военно-политических эвфемизмов является то, что в политике они применимы только в отношении «своих», речевая тактичность к «чужим» не применяется. СМИ не только проводят и распространяют новую лексику, но становятся создателями необходимого отношения к тому или иному событию, намеренно применяя ее. Так, например, если в сообщении говорится о попадании военных в цель, то под этим понимается сбрасывание бомб или направление ракет в места расположения террористических организаций, если же снаряды попадают в жилой дом либо другие объекты гражданской инфраструктуры, то сообщается о случайном попадании снаряда, ставшего причиной соответствующих разрушений. Как правило, подобная псевдополиткорректная терминология используется англоязычными журналистами, но часто заимствуется русскоязычными изданиями за рубежом. Пытаются не отставать от западных «покровителей» и Украина, которая ведет информационную войну с Россией с начала военных действий и по настоящее время. Так, Верховная Рада не ограничилась отменой закона «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне», но предприняла попытки создавать свои военно-политические «эвфемизмы», предложив переименовать День Победы на День скорби и примирения. Что касается самого термина Великая Отечественная война, то от него предложено

и вовсе отказаться, а так называемый День скорби и примирения отмечать 8 мая. Действуя подобным образом, украинские политики демонстрируют не только свое стремление еще дальше дистанцироваться от России, но и стать ближе к Европе, которая 8 мая отмечает День победы над фашизмом.

Вместе с тем, кроме употребления эвфемизмов в массмедиа с целью обосновать и продвигать позицию той или иной власти, защищать государственную политику и усиливать оппозицию «наши – не наши», в политической сфере эвфемизмами выполняются две основные функции – нормирующая и маскирующая.

Например в предложении «На участке дороги Расафе ликвидирована крупная автомобильная колонна боевиков» канцелярским эвфемизмом сферы политики выступает «ликвидировать», который относится к тематической сфере вооруженных конфликтов и их последствий (РГ, 02.09.2017 : [сайт]. URL: <https://rg.ru>). Эвфемизм образуется путем прямого способа обозначения с помощью заимствованного слова (ликвидировать – от немецкого liquidieren, постепенно прекращать какое-либо дело или др.). Ликвидация представляет собой события с трагическими последствиями для жизнедеятельности и существования людей в определенном районе, регионе, стране. Другими словами, это такое состояние общества или событие, при котором возникает угроза уничтожения населения. В данном случае эвфемизм выполняет нормирующую функцию. Маскировки негативного явления не происходит, так как слово «ликвидировать» содержит отрицательную коннотацию, поэтому эвфемизм лишь несколько смягчает элемент действительности.

В предложении «Никаких инцидентов, связанных с захватом в плен или потерями военнослужащих вооруженных сил РФ в провинции Дэйр-эз-Зор или в других районах Сирии не было» эвфемизм «инцидент» является канцелярским и часто употребляется в сфере политики и происшествий (К, 28.09.2017 : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru>). Связан он с запретом на основе политической оценки. Представляет собой

прямое наименование явления иноязычным словом: от лат. *incidens, incidentis* – случающийся. В данном случае эвфемизм выполняет вуалирующую функцию, маскируя негативную природу явления.

Эвфемизмы выполняют главным образом нормирующую функцию, то есть главная роль замен – смягчение нежелательных явлений. При этом маскирующая функция в массмедиа наблюдается также достаточно часто, что обусловлено напряженными отношениями США и России. Эвфемизмы применяются в основном в отношении России, что не позволяет сохранять должный объективизм.

В ходе исследования было замечено, что многие слова-заменители военно-политической сферы – это научные термины или заимствования, которые уже стали привычны слуху, но не всегда до конца понятны читателю. В связи с тем, что подобные термины часто употребляются, они постепенно утрачивают свои функции, теряют «облагораживающие» свойства. Объясняется это тем, что маскирующее свойство эвфемизмов основывается на разрыве между означаемым и означающим, а когда слова становятся общеупотребимыми, означающее сливается с означаемым. В таком случае скоро понадобятся новые заменители для неудобных слов.

В качестве объекта информационного воздействия выступает не только внешний мир, но и граждане собственной страны, у которых не должно возникать сомнений в правильности действий национальной политической элиты. Вместе с тем, нельзя наравне с политическими причинами не отметить психологические причины возникновения эвфемизмов войны, где большое значение отводится традиционному отношению человека к смерти (использование эвфемизма «ушел в лучший мир» вместо «умер», «убит» и т.д.). Человек боится смерти, страдает в разговорах о ней, в связи с чем стремится эвфемизировать относящуюся к ней лексику.

Осознавая опасность информационной войны и необходимость противостоять этой угрозе, российское руководство приняло Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, которая была

утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646. В этом документе обеспечение информационной безопасности декларируется как одна из приоритетных задач государства. В частности, отмечается «тенденция к увеличению в зарубежных средствах массовой информации объема материалов, содержащих предвзятую оценку государственной политики Российской Федерации», «наращивается информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>). В этой связи одной из стратегических целей обеспечения информационной безопасности названа нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанный с защитой Отечества.

Таким образом, отметим, что прагматические цели, военно-политической лексики, связанные с военной операцией в Сирии и событиями в Украине, таковы: вуалирование, камуфляж фактов, защита социальной стабильности, создание положительного имиджа страны, смягчение действительности.

2.2 Корпус наиболее употребительных военно-политических эвфемизмов

В ходе проведенного анализа эвфемизмов военно-политического дискурса по материалам русскоязычных газет «Русский базар» (РБ, Америка), «Русская Германия» (Рус. Г), а также российских газет «Российская газета» (РГ), «Коммерсантъ» (К) и «Аргументы и Факты» (АиФ) нами было установлено, что для подобных эвфемизмов характерна высокая вариативность. Данный факт нашел отражение в представленном практическом исследовании, где для обозначения прямого денотата использованы синонимические серии эвфемизмов (Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем. М. : Азбуковник, 2010).

Основываясь на статьях российских и русскоязычных газет, которые посвящены военной операции Российской Федерации в Сирии и событиям в Украине, нами были выделены эвфемизмы современного военно-политического дискурса, составившие 8 тематических групп.

1. Эвфемизмы, обозначающие разъяснение, мотивы, цель участия в военных действиях в Сирии:

РБ – стягивает новое наступательное вооружение (продолжение активных вооруженных действий); последствия вторжения в Сирию (намерения России); затевается, по всей видимости, Россией и Ираном (о планах России и Ирана в отношении Сирии); вопрос об оккупации полуострова (о воссоединении Крыма с РФ); и до победы уже рукой подать (мнение американских властей о скорой победе над ИГИЛ); всё-таки выбралась из-под контроля России (о целях и мотивах Украины) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>);

РГ – нужно действовать на опережение (пресечь возможность террористических акций путем военных действий); едины в намерении разгромить ДАИШ (о мотивах участия США и России в сирийской войне); обеспечить невмешательство внешних игроков (исключить влияние всех стран, кроме России и Сирии, которые пытаются повлиять на исход событий); антироссийская линия киевских властей (курс разрыва политических и экономических отношений с Россией); операция ВКС России в Сирии позволила защитить христианское меньшинство от гонений и убийств (разъяснение цели участия в военных действиях России) (URL: <https://rg.ru>).

В газете РБ используется лексика с негативной коннотацией: наступать, вторжение, оккупация, контроль, что позволяет настроить читателей против России, внушить им, что РФ является агрессором и провокатором.

В РГ используется нейтральная лексика: на опережение, операция, невмешательство, которая не вызывает отрицательных эмоций у читателей.

Слово «антироссийский» употребляется для пробуждения патриотического духа народа, для того, чтобы показать отношение Киева к России.

2. Эвфемизмы, обозначающие участников военных действий:

РБ – по защите сирийского диктатора Башара Асада (законно избранного президента Сирии); база данных также коррумпирована, как и вся российская власть (критика российского правительства); Украина получит от своего заокеанского партнера (США); в одиночку противостоит всем «врагам» «сверхдержавы» (политикам США и Европы); неофициальным противником США в Сирии (война в Сирии является войной России и США); главным тормозом для успешного решения всех задач (Россия мешает планам США); управляет самая настоящая военная хунта (российское правительство); сторонники путинской политики (поддерживающие политику российского Президента В. В. Путина); со своей бандой террористов (власти ЛНР); змеи в банке, коими являются пропутинские террористы (главы ЛНР и ДНР); для ликвидации пророссийских террористов (войска ЛНР и ДНР); с враждебно настроенной Россией (мнение властей Украины) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>);

Рус. Г – неприемлемого для Западной Украины представителя обескровленного Востока (Президента Украины П. А. Порошенко) (URL: <http://www.rg-rb.de>);

РГ – гаранты межсирийских переговоров (Москвы, Анкары и Тегерана); лидеры международной коалиции (США); со стороны русофобского Конгресса (правительства США); военная группировка в Сирии может быть сокращена (сокращения количества российских военнослужащих, находящихся на территории Сирии); страны-гаранты прекращения огня (Россия, Иран и Турция) (URL: <https://rg.ru>).

В РБ употребляется негативная лексика, пейоративы, которые изменяют действительность, а в частности роль России в военных действиях в Сирии и в Украине. Используются такие слова, как коррумпированный, противник,

военная хунта, пропутинский, диктатор, которые выражают оценочность со стороны автора.

Рус. Г. употребила крайне негативный эвфемизм в отношении Президента Ураины: представитель обескровленного Востока. Данное замещение не характерно для немецкой газеты. Обычно используются нейтральные слова, чтобы показать непричастность Германии к событиям в Сирии и Украине.

РГ заняла нейтральную позицию, в отношении участников военных действий, используя такие слова, как лидеры, страны-гаранты, военная группировка.

3. Эвфемизмы, характеризующие ход военных действий:

РБ – Донбасс продолжает оставаться кровавым полем боя (продолжается война); устраивает провокации, либо помогает врагам Америки оружием и техникой, либо сама ввязывается в противостояние с Западом (отношения России к военным действиям США); поддерживающие оккупацию Крыма (присоединение Крыма к РФ); украинцы разнесут всю сухопутную военную технику (взорвут всю технику); после аннексии Крыма и массовых убийств украинцев (присоединения Крыма к РФ и проведении военных действий на территории ЛНР и ДНР); после «крымнаш» (присоединения Крыма к РФ); террористическая группировка чувствовала свою кончину и стремилась унести жизни (военные действия террористической группировки против мирных граждан); вооружения должно хватить для наведения порядка на Донбассе (закончить все военные действия в пользу Украины); президент осудил злодеяние, совершенное террористами (убийства, зверства); «кассетная» активность российских летчиков (использование кассетных зажигательных бомб); использования разного рода закулисных рычагов давления (предоставление населению медицинской и гуманитарной помощи); если она окажется раздавлена (если территория будет отвоевана войсками); террористическую организацию в Сирии уничтожили (расстреляли);

в оккупированном Россией Крыму (воссоединение Крыма с РФ); в полыхающей Сирии (военные действия на территории Сирии); донбасская мясорубка является главным сдерживающим фактором (военные действия на территории Донбасса) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>);

Рус. Г – не видно конца и края затяжной и очень странной войне (длительной бесполезной войны на Украине) (URL: <http://www.rg-rb.de>);

РГ – переговоры по урегулированию сирийского кризиса (переговоры о прекращении военных действий на территории Сирии); поставлена окончательная точка в борьбе с терроризмом (окончания военных действий); начались боевые столкновения ополченцев (начало боевых действий); военные сообщают о нападении боевиков на блокпосты (нанесение вооруженного удара террористической организацией); Дамаск подвергся обстрелу со стороны боевиков (расстрелян террористической организацией); на недопустимости «взвинчивания напряженности» (обострения ситуации); по договору о сокращении стратегических наступательных вооружений (упреждающих вооруженных действий); террористы оставили взрывчатку (заминировали); сирийские войска выбили террористов группировки (нанесли поражающий удар); продолжают добивать остатки террористических групп (расстреливать, уничтожать); поддержала этот переворот (неконституционный вооруженный захват власти); в случае закрытия границы (прекращение отношений между Россией и Украиной); организовали 14 крупных провокаций в отношении ДНР (обстрелов мирных жителей и объектов гражданской инфраструктуры); объяснил огромные небоевые потери ВСУ (большие потери военных, не связанные с военными действиями); эта необъявленная война (информационная война); страну превратили во врага РФ (внушили мысль гражданам Украины); ракетоносец должен подняться в небо (производство

российских самолетов закончено и они почти готовы к применению); Россия заблокировала подготовленную США резолюцию (Россия наложила вето); весь спектр сирийского урегулирования (механизмы решения конфликта в Сирии); нанесли удар под прикрытием (бомбардировали); усилиями РФ, Ирана и Турции по боевикам в Сирии нанесен сокрушительный удар (разгромлены, уничтожены, убиты); ракеты целятся в Донбасс (поставки летального оружия); вытянуть наших граждан из российских тюрем (осуществить обмен пленными); изменения роли вооруженных сил США на Украине (увеличения численности американских военных) (URL: <https://rg.ru>);

К – увеличилось число полетов силовых ведомств в Сирию (проведение военных действий); планы поставок летального оружия (смертельного оружия); стратегических целей по закреплению в Сирии (ввод войск на территорию Сирии); сирийская оппозиция отбила у боевиков крупнейшее нефтегазовое месторождение (путем военных действий); объявить об окончании российской кампании в Сирии (об окончании военных действий) (URL: <https://www.kommersant.ru>);

АиФ – решение проблемы вокруг Донбасса силовым путем (путем военных действий) (URL: <http://www.aif.ru>).

В РБ используется пейоративная лексика: провокации, помощь врагам, разносить, уносить жизни, мясорубка, которая помогает автору влиять на сознание читателей, представлять информацию в выгодном для Америки свете.

Германия не видит смысла в военных действиях, которые ведутся в Украине, поэтому Рус. Г. употребила «затяжная и странная война», чтобы выразить свое мнение.

РГ употребляет нейтральную лексику, когда говорит о военных действиях в общем: урегулирование, поставить точку, столкновения, нанести удар. Если же упоминаются террористы, то автор прибегает к арготизмам: добить остатки, выбить террористов.

К использует нейтральную лексику: увеличить число полетов. Данный пример в сильной степени вуалирует военные действия.

АиФ употребляет нейтральную лексику, избегая жестокой интерпретации: решение проблемы силовым путем

4. Эвфемизмы, замещающие прямые наименования различных концептов:

ВОЙНА:

РБ – сирийский вопрос (война в Сирии); масштабная милитаризация и бряцание оружием (возможна война между Россией и США); невозможность решить конфликт на Донбассе (невозможность прекратить военные действия); урегулировать конфликт на Донбассе (прекращение военных действий); антитеррористической операции на Донбассе (военные действия в ДНР) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>);

РГ – этому критически важному вопросу (о войне в Сирии); подталкивает украинские власти к кровопролитию (к началу войны); пробивавшие себе путь во власть через кровь (путем гражданской войны) (URL: <https://rg.ru>);

АиФ – сейчас инцидент в целом исчерпан (война прекращена) (URL: <http://www.aif.ru>);

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ:

РБ – от хаотичных ударов с российских истребителей (выстрелы, не попавшие в цель); с асадитами не стали бы церемониться (о предупредительных выстрелах из танков) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>);

Рус. Г – в формате организованной политической демонстрации (военные действия); «Оливковая ветвь» в Сирии (название военной операции) (URL: <http://www.rg-rb.de>);

РГ – провела успешные операции по штурмовке (провела боевые действия путем штурма); ликвидирована крупная автомобильная колонна боевиков (расстреляна); разгром «ИГИЛ» в районе Дэйр-эз-Зора (уничтожение); стрельбы проходят на временном полигоне

(испытания зенитных ракет средней дальности); режим прекращения огня (приостановления боевых действий); уничтожено их вооружение (бомбардировали склад с оружием); Сирийская армия ответила на акт агрессии прицельным огнем (расстреляли, уничтожили); по боевикам в Сирии нанесен решающий удар (проведена боевая операция); около 420 боевых вылетов (участия в воздушных боях); наносит удары по бойцам (расстреливает, уничтожает) (URL: <https://rg.ru>);

К – выдавливая их при поддержке российской истребительной и бомбардировочной авиации (заставляя отступать, бежать); военную часть операции необходимо завершать (активные боевые действия) (URL: <https://www.kommersant.ru>);

СТРАТЕГИЯ:

РБ – уже не следят за кремлевской террористической операцией (следят за военной операцией на Украине); информация так же точна, как и их бомбардировки (неточная и недостоверная информация); на подготовку к потенциальному вторжению российских войск (возможное начало военных действий со стороны России на территории Украины); издевательски бомбила сирийскую оппозицию (военные действия российских войск на территории Сирии); полностью изолироваться от путинской России (прекращение политических и экономических отношений Украины с Россией); после аннексии Крыма и вторжения в Украину (воссоединение Крыма с РФ и помощь Донбасу и Луганску) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>);

РГ – применение ВМС Украины против российских кораблей тактики «волчьей стаи» (неожиданная, коварная атака); перехода на натовские боеприпасы (применение калибра, используемого странами НАТО – 155 миллиметров); желание Киева вернуть артиллерию (использовать артиллерийские и ракетные системы вооружения); поставки в Вооруженные силы нового арсенала идут по плану (пополнение

вооружения ВВС России происходит вовремя); ВКС России ведут успешные наступательные действия (поражение противника); испытали перспективную РСЗО (прошли войсковые испытания перспективной реактивной системы залпового огня) (URL: <https://rg.ru>);

СЛУЖБА / ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ:

РБ – где отморозки с территории Российской Федерации пытаются контролировать каждый квадратный метр (военнослужащие российской армии); Кремль распоряжается «пушечным мясом» безрассудно и потери в Сирии / Украине никто не считает (российские военнослужащие, находящиеся на территории Сирии и, по мнению газеты, в Украине) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>).

В отношении войны в РБ используется нейтральная лексика: конфликт, операция, сирийский вопрос. Для выражения боевых действий и стратегий использовалась ирония: хаотичные удары, не стали бы церемониться, изолироваться, не следят за операцией. Военнослужащие представлены негативной лексикой: отморозки, пушечное мясо.

Боевые действия Рус. Г. выражает нейтральной лексикой: политическая демонстрация, «оливковая ветвь».

РБ употребляет слова с негативной коннотацией для обозначения войны: кровопролитие, власть через кровь. Боевые действия выражаются пейоративами: ликвидация, разгром, наносить удар, штурм. Для стратегий используется нейтральная лексика: тактика, наступательные действия.

К использует арготизмы для выражения боевых действий: выдавливать террористов, и нейтральную лексику: военная часть операции.

АиФ для обозначения войны употребляет нейтральное слово: инцидент.

5. Эвфемизмы, обозначающие убийства и смерть:

РБ – на территории самопровозглашённых ЛНР и ДНР продолжает литься кровь (продолжаются убийства, смерти); даже самый оптимистический сценарий оказывается достаточно кровавым (много убитых в результате военной операции); у этого

кровапролития (бесплезные убийства) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>);

Рус. Г – позволили ему жить полторы минуты, а потом разобрали по винтикам (сбили иранский беспилотник, залетевший со стороны Сирии) (URL: <http://www.rg-rb.de>);

РГ – потери боевиков (количество убитых); войскам удалось окончательно разгромить отряды боевиков (уничтожить, убить) (URL: <https://rg.ru>);

К – попутно зачищая кварталы от исламистов (убивая, уничтожая); состоялось прощание с военнослужащим (похороны); потерями военнослужащих вооруженных сил РФ (убитыми военнослужащими) (URL: <https://www.kommersant.ru>).

В РБ используются пейоративная лексика, которая передает жестокость военных действий в Сирии: кровавый, кровапролитие, льется кровь.

Рус. Г. употребляет нейтральную лексику с оттенком иронии в адрес террористов: позволить жить полторы минуты.

Убийства и смерть в РГ выражаются негативной лексикой: потери, разгромить.

Для выражения убийств К использует лексику с отрицательным значением: зачищать. А для выражения смерти нейтральную: потери, прощание.

б. Эвфемизмы, обозначающие результаты военных действий:

РБ – деньги стариков ушли на аннексию Крыма (денежные средства, предназначенные для выплаты пенсий); ни одна смерть не замалчивается (события освещаются в СМИ); кровавый режим обязательно рухнет (власть Президента Сирии); Украина законодательно избавилась от исторических терминов (официальное принятие новой терминологии) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>);

Рус. Г – обострение ситуации на израильско-сирийской границе (обострения отношений между Сирией и Израилем) (URL: <http://www.rg-rb.de>);

РГ – контролирующую ситуацию «на земле» (контролирующих отвоеванные территории); вернувшимся в Сирию беженцам (жители освобожденные от боевиков ДАИШ); российские военные уже начали возвращаться домой из Сирии (вывод российского воинского контингента из арабской республики) (URL: <https://rg.ru>);

К – Армия Сирии вошла в удерживаемый ИГ город (подразделения вооруженных сил продолжили наступление и окружили террористов); операция в Сирии идет к завершению (завершение военных действий); в Сирии останется контингент, необходимый для охраны объектов (вооруженные силы России) (URL: <https://www.kommersant.ru>).

В РБ для выражения результатов используется нейтральная лексика с оттенком иронии в сторону России: деньги ушли на аннексию Крыма.

В Рус. Г. употребляется нейтральная лексика: обострение ситуации.

РГ выражает результаты с помощью нейтральной лексики: возвращаться домой, контролировать ситуацию.

К использует нейтральную лексику: идти к завершению.

7. Эвфемизмы, камуфлирующие действия разведки:

РБ – сотрудничества террористов «Исламского государства» и военнослужащих США в Сирии (помощь, оказываемая военнослужащими США террористам в Сирии); кадры великолепной боевой операции российских войск (видеосъемки военных действий); к подрывной работе привлечены крымчане (распространение ложной информации); раскачать ситуацию в Крыму (распространить информацию, которая не соответствует действительности) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>).

В РБ используются жаргонизмы для придания экспрессии: подрывная работа, раскачать ситуацию.

8. Эвфемизмы, камуфлирующие психологические последствия от военных действий:

РБ – народ должен быть покорной и запуганной биомассой (о легализации огнестрельного оружия для гражданского населения на территории Украины); ватникам, однако, постоянно вдалбливаются в голову фантастические рассказы о разработке супероружия (российским гражданам, не имеющим отношения к власти); раздутый кремлевской пропагандой миф о «фашизме на Украине» (укрепление мнения у российских граждан о вине властей Украины в происходящих событиях) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>);

РГ – сотни тысяч детей, которым промыли мозги (внушили мысль) (URL: <https://rg.ru>).

В РБ используется негативная лексика с иронией: ватники, раздутый миф.

РГ употребляет лексику с отрицательным значением: промывать мозги.

Далее нами был проведен количественный анализ частотности употребления эвфемизмов в каждой из тематической группы. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Количественный анализ эвфемизмов

Тематическая группа	Количество
1. Эвфемизмы, обозначающие разъяснение, мотивы, цель участия в военных действиях	25
2. Эвфемизмы, обозначающие участников военных действий	24
3. Эвфемизмы, характеризующие ход военных действий	71
4. Эвфемизмы, замещающие прямые наименования различных концептов	48
ВОЙНА	11
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ	17
СТРАТЕГИЯ	14
СЛУЖБА / ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ	6
5. Эвфемизмы, обозначающие убийства и смерть	15
6. Эвфемизмы, обозначающие результаты военных действий	13
7. Эвфемизмы, камуфлирующие действия разведки	8
8. Эвфемизмы, камуфлирующие психологические последствия от военных действий	10
Итого	224

Наиболее частотной группой являются эвфемизмы, характеризующие ход военных действий (Приложение А). В данной группе наиболее часто встречаются такие эвфемизмы, как «активность чьих-либо военных сил», «уничтожение террористической организации», «провокации», «превратили во врага РФ», «сирийское урегулирование», «нанесение удара», «сокращение военной группировки, военнослужащих», «роли вооруженных сил на Украине, Сирии», «обеспечить безопасность своей территории», «стратегические цели по закреплению в Сирии», «окончание российской компании», «решение проблем в Сирии, Украине».

Следующую по частоте употребления группу составляют эвфемизмы, замещающие прямые наименования различных концептов, в которой нами выделены такие наименования, как «война», «боевые действия», «стратегия» и «служба / военнослужащие». При этом чаще всего происходит замещение боевых действий: «хаотичные удары», «не церемонятся», «успешные операции», «ликвидация боевиков», «разгром террористов», «прицельный огонь», «решающий удар», «завершение операции» и т.д.

Выделение этих двух групп по частотности употребления подтверждает выводы, сделанные нами ранее: эвфемизмы, с одной стороны – маскируют, но с другой – не лишают высказывания смысла, т.е. произнесенная речь понятна аудитории и не требует дополнительных разъяснений. Подобные замены используются для того, чтобы придать положительную оценку высказыванию.

Наиболее редко встречаются эвфемизмы, камуфлирующие действия разведки, что связано в первую очередь с достаточно узким освещением подобных тем в средствах массовой информации.

Таким образом, на основании проведенного анализа употребления эвфемизмов в российских СМИ и русскоязычных зарубежных газетах, посвященных военной операции РФ в Сирии и событиям в Украине, мы можем сделать вывод о том, что военный дискурс – особый вид дискурса, присущий лицам определенного (военного) института, использующим специфический набор профессиональных текстов, осуществляющих акт коммуникации

посредством особых лексических и грамматических языковых конструкций, известных и понятных только лицам данного социального института; политический дискурс – особый вид институционального дискурса, функции которого реализуются непосредственно в ходе политического процесса с целью сокрытия правды, убеждения и манипулированием сознания аудитории; и, наконец, военно-политический дискурс – разновидность мультимедийного дискурса, т.е. публичные выступления, а также материалы, опубликованные в журналах, газетах, интернет-источниках на военно-политическую тематику, использующие военную и политическую терминологию, а также эвфемистические замены с целью оправдания политических и военных действий, оказания влияния на широкую публику, и создания у слушающего, читающего коммуникативного удобства.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что употребление эвфемизмов обусловлено способностью данных лексических единиц наиболее адекватно передавать информацию населению.

2.3 Деноминация названий военной операции Российской Федерации в Сирии и событий в Украине

В лингвистике есть дисциплина ономазиология, которая занимается изучением способов номинаций, характерных для того или иного языка. Слово деноминация произошло от слова номинация и означает переименование.

Современная информационная война может быть далека от открытого насилия и военных действий, однако местом ее проведения и одновременно целью является психика человека. Деноминация допускает возможность многозначной интерпретации и в связи с этим представляет собой достаточно эффективное языковое средство манипуляции сознанием.

Необходимо отметить, что термин «военная операция» изначально можно рассматривать как замену слова «война», то есть обозначающий военное вмешательство: «В начале года военное начальство передало Путину

кадры великолепной боевой операции российских войск против террористов в Сирии» (РБ, 15.11.2017, № 1126 : [сайт]. URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>); «Сергей Шойгу объявил, что операция в Сирии идет к завершению» (К, 16.10.2017 : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru>); «Турция начнет наземную фазу военной операции в городе Африн на северо-западе Сирии» (К, 18.01.2018 : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru>). Вместе с тем, как правило, средства массовой информации в большинстве случаев используют не только эвфемизмы для замены самого термина, но и деноминацию названий военного вторжения.

Например, применялись следующие деноминации названий военных событий на территории Украины: «Кремль постепенно стягивает новое наступательное вооружение к границам Донбасса» (активные вооруженные действия) (РБ, 13.09.2017, № 1117 : [сайт]. URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>); «Россия обеспечивает безопасность своей территории, потому что в районе Крыма не прекращаются провокации и диверсии» (провокационные и диверсионные военные действия на российско-украинской границе в районе Крыма) (РГ, 10.01.2018 : [сайт]. URL: <https://rg.ru>); «У них есть хороший опыт по ликвидации не одного врага Украины» (опыт военных действий) (АиФ, 03.10.2017 : [сайт]. URL: <http://www.aif.ru>); «Как отмечают в дипведомстве, этот документ законодательно подтверждает линию Киева на решение проблемы вокруг Донбасса силовым путем» (путем военных действий) (АиФ, 18.01.2018 : [сайт]. URL: <http://www.aif.ru>).

Подчеркнем, что русскоязычными изданиями использовались и отрицательные деноминации с целью усиления оппозиции «свои – чужие». Например: «Если российские новостные каналы уже не следят за кремлевской террористической операцией, то украинские СМИ регулярно освещают все важные события» (РБ, 20.09.2017, № 1118 : [сайт]. URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>); «Введенные после аннексии Крыма и массовых убийств украинцев на территориях Донецкой и

Луганской областей» (РБ, 29.11.2017, № 1128 : [сайт]. URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>); «В ходе оккупации Крыма и развязывания войны в Украине» (РБ, 20.12.2017, № 1131 : [сайт]. URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>); «После аннексии Крыма и вторжения в Украину» (РБ, 10.01.2018, № 1133 : [сайт]. URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>); «В формате организованной политической демонстрации» (Рус. Г, 02.02.2018, № 5 : [сайт]. URL: <http://www.rg-rb.de>).

В отношении Сирии применялись следующие деноминации военных действий:

РБ – «В России продолжается масштабная милитаризация и бряцание оружием» (потенциальный военный конфликт) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>);

РГ – «Разгром «ИГИЛ» в районе Дэйр-эз-Зора и деблокирование города станет стратегическим поражением международной террористической группировки» (уничтожение); «Нанесли удар под прикрытием истребителей Су-30СМ» (прямое поражение); «Будет поставлена окончательная точка в борьбе с терроризмом в Сирии» (окончание военных действий); «По боевикам в Сирии нанесен решающий удар» (боевики были уничтожены); «Усилиями РФ, Ирана и Турции по боевикам в Сирии нанесен сокрушительный удар» (боевики были уничтожены); «Сирийские правительственные войска под командованием генерала Хасана Сухела и при поддержке ВКС России ведут успешные наступательные действия» (ведут боевые действия); «Москве и Вашингтону еще предстоят очень важные переговоры по договору о сокращении стратегических наступательных вооружений» (упреждающих вооруженных действиях) (URL: <https://rg.ru>);

К – «Полковник запаса Виктор Мураховский уверен, что военную часть операции необходимо завершать, продвигаясь по

всей долине реки Евфрат» (проводить активные боевые действия); «Россия не преследует стратегических целей по закреплению в Сирии» (ввод вооруженных сил России); «Резко увеличилось число полетов силовых ведомств в Сирию» (проведение военных действий); «Сергей Шойгу объявил, что операция в Сирии идет к завершению» (военные действия); «Это может стать подходящим способом торжественно объявить об окончании российской кампании в Сирии» (окончание военных действий); «2017 год принес радикальные перемены на «сирийском фронте» (война в Сирии); «Армия провела в Сирии спецоперацию» (диверсионная группа была уничтожена высокоточным боеприпасом) (URL: <https://www.kommersant.ru>);

АиФ – «Участники обсудили ситуацию в Сирии с учетом позитивной динамики развития событий после эффективных действий ВКС РФ» (военная операция РФ в Сирии); «Американский министр обороны подчеркнул, что между РФ и США есть спецканал связи, который позволяет предотвращать опасные ситуации в небе над Сирией» (проводить воздушные боевые операции); «Кампания в Сирии показала, что США не являются хозяевами мира» (военная операция России в Сирии); «Российским военным успешно удалось ее отразить» (уничтожить группу боевиков); «Сейчас инцидент в целом исчерпан» (прекращение военных действий) (URL: <http://www.aif.ru>).

Деноминации участников военных действий:

РБ – «В России знаменательным событием стали участие российской армии в сирийской гражданской войне и удержание там у власти Асада» (российские вооруженные войска) (URL: <http://www.russian-bazaar.com/ru>);

РГ – «Недавно российская фронтовая авиация провела успешные операции по штурмовке около города Дейр-эз-Зор»

(вооруженные воздушные силы); «Обеспечить невмешательство внешних игроков в политический процесс» (все страны за исключением России и Сирии, которые пытаются повлиять на исход событий); «Российская военная группировка в Сирии может быть сокращена» (сокращение количества российских военнослужащих, находящихся на территории Сирии) (URL: <https://rg.ru>);

К – «В Сирии останется контингент, необходимый для охраны объектов» (Вооруженные силы России); «Российскую военную группировку в Сирии планируют сократить на две трети» (военные войска РФ) (URL: <https://www.kommersant.ru>);

АиФ – «Владимир Путин приказал начать вывод российской группировки из Сирии» (российских вооруженных сил) (URL: <http://www.aif.ru>).

Также отметим, что умение эффективно подбирать названия для военных операций является мощным средством победы в «войне имиджей» стран, в войне, которая так же важна, как война, проходящая на поле битвы. Во время, так называемой, «войны имиджей» название военной операции – это первая выпущенная пуля, и, вполне возможно, самая критическая. В случае правильного использования название может стать ключевым компонентом, приводящим к победе.

С тех пор, как вооруженные силы начали присваивать названия военным действиям, генералы, главнокомандующие и их сотрудники стали думать, как корректно назвать свои запланированные наступления. Часть из того, что они придумали – это были запоминающиеся названия. Большинство из названий операций впоследствии используется средствами массовой информации в качестве деноминаций названий вооруженного вторжения. Например, «Оливковая ветвь», «Сирийский гамбит», «Кампания за Алеппо», «Освобождение Пальмиры» в Сирии.

Если главным критерием в подборе названий военных операций является нейтральность, то задача состоит в том, чтобы избежать любой значимой

символики и показать, что речь идет о вдумчивом военном планировании, а не идеологической войне. Поскольку большое внимание также уделяется тому, чтобы название не содержало негативной коннотации в адрес страны или ее религии, где планируется проводить операцию, а действия не принято называть прямо – их названия часто закамуфлированы. Как правило, авторы избегают имен собственных, географических терминов и названий кораблей. При этом операции не должны быть названиями фривольного характера. Они не должны быть обычными словами. Имена живущих людей должны избегаться. Названия не должны быть хвастливыми, чрезмерно самонадеянными, а также унылыми и безнадежными.

Таким образом, основным критерием в номинации военных операций является положительная коннотация, а также необходимость избежать любой значимой символики. Также большое внимание уделяется тому, чтобы название не содержало негативной коннотации в адрес страны, где будет проходить операция, действия не принято называть прямо – их названия часто закамуфлированы.

Кодовые названия военных операций можно разделить на три группы:

- 1) с буквальным значением, например, «Кампания за Алеппо»;
- 2) с частично переносным значением, например, «Освобождение Пальмиры»;
- 3) с идиоматическим значением, например, «Сирийский гамбит», «Оливковая ветвь».

В соответствии с результатами анализа названий, можно сделать вывод о том, что при номинации военных операций (как военными и политическими деятелями в общем, так и журналистами в частности) необходимо учитывать следующее:

- название должно быть запоминающимся, но, в то же время, не содержащим оценочного значения; оно должно указывать на то, что речь идет о вдумчивом военном планировании, а не идеологической войне (действия не принято называть прямо – их названия часто закамуфлированы);

- название должно максимально скрыть суть проводимых военных действий, т.е. оно не должно содержать ключевые слова, которые указывают на место и время проводимой операции, а также понятий, которые могут нарушить конфиденциальность операции (например, названия кораблей, имена живущих людей, и т.д.);

- название должно быть вдохновляющим для военнослужащих (не должны быть унылыми и безнадежными), однако оно также не должно быть хвастливым и чрезмерно самонадеянным;

- название не должно содержать негативной коннотации в адрес страны или ее религии, где планируется проводить операцию.

Политические деятели осознают тот факт, что люди гораздо легче усваивают тот язык, который им диктуется. Повторяя одно и то же слово из раза в раз, оно невольно остается в нашем сознании.

В ходе нашего исследования было установлено, что в определенных контекстах деноминация теряет свои манипулятивные способности и используется в качестве средства для привлечения внимания к негативным явлениям действительности. В языке СМИ деноминация оказывает наибольшее манипулятивное воздействие в силу своих разносторонних и мощных возможностей влияния на сознание адресата.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы. Если язык можно использовать для того, чтобы контролировать сознание, следовательно, те, кто контролирует язык, могут контролировать сознание, а вместе с тем контролировать все общество. Сегодня именно средства массовой информации контролируют язык и, следовательно, человеческое сознание. Подобный контроль сознания особенно релевантен в период военных конфликтов и политических реформ, а подбор языковых средств для осуществления данного контроля производится наиболее скрупулезным образом. Целесообразно отметить, что данное тысячелетие ознаменовано не только многочисленными вооруженными столкновениями и

конфликтами, но также информационной войной, последствия которой не менее серьезные, а причиненный урон – не менее значительный.

«Военно-политический дискурс» представляет собой разновидность мультимедийного дискурса, т.е. публичные выступления, а также материалы, опубликованные в журналах, газетах, интернет-источниках на военно-политическую тематику, использующие военную и политическую терминологию, а также эвфемистические замены с целью оправдания политических и военных действий и оказания влияния на широкую публику.

Прибегая к употреблению эвфемизмов, говорящий косвенно избегает упоминания неприятных вещей, стараясь завуалировать негативную сущность отдельных явлений действительности. Следовательно, он или она заменяет такие явления более приятными. Справедливо будет заметить, что при использовании эвфемизмов скрываются общественные действия, которые могут быть отрицательно восприняты окружающими.

В ходе проведенного анализа эвфемизмов военно-политического дискурса по материалам русскоязычных зарубежных газет «Русский базар» (РБ, Америка), «Русская Германия» (Рус. Г), а также российских газет «Российская газета» (РГ), «Коммерсантъ» (К) и «Аргументы и Факты» (АиФ) нами было установлено, что для подобных эвфемизмов характерна высокая вариативность. Также нами был проведен количественный анализ частотности употребления эвфемизмов в каждой из выделенных восьми тематических групп. Наиболее частотной группой являются эвфемизмы, характеризующие ход военных действий. Следующую по частоте употребления группу составляют эвфемизмы, замещающие прямые наименования различных концептов, в которой нами выделены такие номены, как «война», «боевые действия», «стратегия» и «служба / военнослужащие». Выделение этих двух групп по частотности употребления подтверждает выводы, сделанные нами ранее: эвфемизмы, с одной стороны – маскируют, но с другой – не лишают высказывания смысла, т.е. произнесенная речь понятна аудитории и не требует дополнительных

разъяснений. Подобные замены используются для того, чтобы придать положительную оценку высказыванию.

Наиболее редко встречаются эвфемизмы, камуфлирующие действия разведки, что связано в первую очередь с достаточно узким освещением подобных тем в средствах массовой информации.

В ходе нашего исследования было установлено, что в определенных контекстах деноминация теряет свои манипулятивные способности и используется в качестве средства для привлечения внимания к негативным явлениям действительности. В языке СМИ деноминация оказывает наибольшее манипулятивное воздействие в силу своих разносторонних и мощных возможностей влияния на сознание адресата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей выпускной квалификационной работе предпринята попытка изучить функционирование эвфемизмов в военном медиадискурсе. Работа выполнена на теоретическом и практическом материале, взятом из статей российских и русскоязычных зарубежных газет, посвященных военной операции РФ в Сирии и событиям в Украине. Эмпирическую базу составили 224 единиц эвфемической лексики.

В ходе исследовательской работы установлено, что эвфемизмом называют слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести. Замены помогают не только избегать эстетически грубых слов и слов из табуированных тем, но и камуфлировать негативные реалии действительности, выразить субъективную оценку и влиять на мнение читателя (слушателя).

Основная цель выпускной квалификационной работы была рассмотрена, выявлено прагматическое назначение эвфемизмов, которое состоит, прежде всего, во внушающем воздействии на реципиента информации с целью изменить, приукрасить или скрыть информацию о реальном факте, выставить что-либо или кого-либо в положительном, или, напротив, отрицательном свете, побудить адресата манипуляции к каким-либо действия или бездействию. Наряду с функцией вуалирования, выделяют и другие функции эвфемизмов: манипулирования, акцентирования, самозащиты и дискредитации (в РБ эта функция явно выражена в отношении России и Президента Сирии), которые реализуются через тактики , характерные для стратегий политического дискурса.

Настоящее исследование показало , что критерием выделения военных эвфемизмов из общего словаря эвфемизмов является их функционирование в коммуникации и средствах массовой информации , а также наличие особых сфер использования военных эвфемизмов в языке.

Эвфемизмы выполняют главным образом нормирующую функцию, то есть главная цель замен – смягчение нежелательных явлений. При этом маскирующая функция в русскоязычных зарубежных массмедиа наблюдается достаточно часто, что обусловлено напряженными отношениями США и России: американские СМИ не придерживаются объективного отражения ситуаций, событий, явлений без подмены фактов, приукрашивания действительности, а также иронии, которая выражает насмешку над Россией и ее действиями со стороны США.

Целесообразно будет отметить, что данное тысячелетие ознаменовано не только многочисленными вооруженными столкновениями и конфликтами, но также информационной войной, последствия которой не менее серьезные, а причиненный урон – не менее значителен. Сегодня именно СМИ контролируют язык и, следовательно, человеческое сознание. Подобный контроль сознания особенно важен в период военных конфликтов, а подбор языковых средств для осуществления данного контроля производится наиболее скрупулезным образом.

Мы изучили явление эвфемии в современном медиадискурсе. На основе материалов российских и русскоязычных зарубежных газет за период военной операции РФ в Сирии и событий в Украине нами была создана тематическая классификация, а также произведен количественный анализ использованных эвфемизмов.

Проведение количественного анализа и создание структуры в процентном соотношении реализации коммуникативно-прагматического потенциала военно-политических эвфемизмов помогли сделать вывод о том, что прагматические цели военно-политической лексики, связанные с военной операцией в Сирии и событиями в Украине, таковы: вуалирование, камуфляж фактов, защита социальной стабильности, создание положительного имиджа страны, смягчение действительности.

Все поставленные задачи были решены в процессе написания выпускной квалификационной работы, использованы все указанные методы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Андреев, Н. И. Дискурс политических партий Германии в синхронии и диахронии [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Андреев Николай Иванович. – М., 2012. – 170 с.
- 2 Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата [Текст] : учеб. пособие / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М. : Наука, 1981. – Т.40. – № 4. – С. 356-367.
- 3 Белов, Н. В. 101 биография русских знаменитостей, которых не было никогда [Текст] : учеб. пособие / Н. В. Белов. – Минск : Харвест, 2010. – 320 с.
- 4 Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] : учеб. пособие / Т. А. Ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
- 5 Василенко, И. А. Формирование имиджевой стратегии России в парадигме «гибкой власти» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m6-2012/14900-formirovanie-imidzhevoy-strategii-rossii-v-paradigme-gibkoj-vlasti.html>. – Загл. с экрана.
- 6 Вольфсон, И. В. Язык политики. Политика языка [Текст] : учеб. пособие / И. В. Вольфсон; под ред. С. И. Барзилова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 125 с.
- 7 Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] : учеб. пособие / И. Р. Гальперин. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 458 с.
- 8 Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка [Текст] : учеб. пособие / В. И. Заботкина. – М. : Высшая школа, 1989. – 126 с.
- 9 Ключарев, Г. А. Языковая реальность и политический имидж // Обновление России: трудный поиск решений [Текст] : вып. 3 / Г. А. Ключарев. – М., 1995. – С. 211-216.

- 10 Комиссаров, В. Н. Теория перевода [Текст] : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
- 11 Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) [Текст] : учеб. пособие / Л. П. Крысин. – М., 1996. С. 384-407.
- 12 Ксенофонтов, В. В. Взаимосвязь политики и войны: эволюция взглядов [Текст] : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 22.00.01. / Ксенофонтов Владимир Владимирович. – М., 2000. – 176 с.
- 13 Кунцевич С. Е. Функционально-стилевая дифференциация и лингвистическое моделирование военно-политических текстов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rastko.rs/cms/files/books/49d30b98714f8>. – Загл. с экрана.
- 14 Купина, Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем [Текст] : учеб. пособие / Н. А. Купина. – М. : Азбуковник, 2010. – 213 с.
- 15 Лату, М. Н. Военная терминология в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика [Текст] : № 3 / М. Н. Лату. – Пятигорск, 2011. – С. 98-104.
- 16 Марчук, Ю. Н. Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ [Текст] : учеб. пособие / Ю. Н. Марчук. – М. : Наука, 1998. – 142 с.
- 17 Моррис, Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика [Текст] : учеб. пособие / Ч. У. Моррис. – М. : Радуга, 1983. – С. 37-89.
- 18 Обвинцева, О. В. Политический эвфемизм как средство языкового воздействия в газетном тексте // Перевод и межкультурная коммуникация / материалы международной научно-практической конференции / Институт международных связей [Текст] : вып. 4 / О. В. Обвинцева. – Екатеринбург, 2003. – С. 72-74.
- 19 Олянич, А. В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестник ВолГУ [Текст] : вып. 3, сер. 2 / А. В. Олянич. – Волгоград, 2003-2004. – С. 121-128.

20 Рейган против СССР, Обама против России: план тот же – а результат? // РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ria.ru/cj/20140813/1019820171.html>. – Загл. с экрана.

21 Розенталь, Д. Э. Эвфемизм // Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] : учеб. пособие / Д. Э. Розенталь. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.

22 Сахаров, А. Н. История России: с начала XIX в. до начала XXI века [Текст] : 2 т. / А. Н. Сахаров. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 862 с.

23 Сусов, И. П. Семиотика и лингвистическая прагматика // Язык, личность и дискурс [Текст] : учеб. пособие / И. П. Сусов. – Тверь, 1990. – С. 125-133.

24 Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>. – Загл. с экрана.

25 Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] : учеб. пособие / Е. И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.

26 Шмелев, Д. Н. Современный русский язык [Текст] : учеб. пособие / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 335с.

27 Штоль, В. В. Роль и место НАТО в системе европейской и международной безопасности в условиях глобализации [Текст] : учеб. пособие / В. В. Штоль. – М. : Дипломатическая академия МИД РФ, 2005. – 352 с.

28 Ярцева, В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание [Текст] : учеб. пособие / В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 687 с.

29 Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language [Text] / D. Crystal. – Cambridge, 1995. – 491 p.

30 Dieckmann, W. Sprache in der Politik. Einfuehrung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache [Text] / W. Dieckmann. – Heidelberg : C.Winter, 1969. – 132 s.

31 Enright, D. J. Fair of Speech: The Uses of Euphemism [Text] / D. J. Enright. – Oxford : Oxford University Press, 1985. – 222 p.

32 Hamilton, M. A., Mineo, P. J. A Framework for Understanding Equivocation [Text] / M. A. Hamilton, P. J. Mineo // Journal of Language and Social Psychology. – 1998. – N 1. – P. 3-35.

33 Русский базар (РБ, Америка). Статьи из рубрики «Военная операция РФ в Сирии» и «События в Украине» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.russian-bazaar.com/ru>. – Загл. с экрана.

34 Русская Германия (Рус. Г, Германия). Статьи из рубрики «Военная операция РФ в Сирии» и «События в Украине» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rg-rb.de>). – Загл. с экрана.

35 Российская Газета (РГ). Статьи из рубрики «Военная операция РФ в Сирии» и «События в Украине» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rg.ru>. – Загл. с экрана.

36 Коммерсантъ (К). Статьи из рубрики «Военная операция РФ в Сирии» и «События в Украине» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kommersant.ru>. – Загл. с экрана.

37 Аргументы и Факты (АиФ). Статьи из рубрики «Военная операция РФ в Сирии» и «События в Украине» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.aif.ru>. – Загл. с экрана.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Структура употребления эвфемизмов в процентах

